

INTRODUCTION: BETWEEN MEMORY AND FRONTIER

Sergey A. Troitskiy

Herzen State Pedagogical University of Russia; Saint Petersburg State University; Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg, Russia. Email: [sergtroy\[at\]yandex.ru](mailto:sergtroy[at]yandex.ru)

Abstract

This text is an introductory article to a special issue of the Journal of Frontier Studies.

Keywords

cultural memory; individual memory; oblivion; displacement; cultural exclusion and frontier zones; borders; territory; boundaries; frontier; borderland

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ: МЕЖДУ ПАМЯТЬЮ И ФРОНТИРОМ

Троицкий Сергей Александрович

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; Санкт-Петербургский государственный университет; Социологический институт Российской академии наук – Филиал федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Санкт-Петербург, Россия. Email: [sergtroy\[at\]yandex.ru](mailto:sergtroy[at]yandex.ru)

Аннотация

Данный текст является вступительной статьей к специальному номеру «Журнала фронтирных исследований».

Ключевые слова

культурная память; индивидуальная память; забвение; вытеснение; зоны культурного отчуждения и пограничья; границы; территория; рубежи; фронтир; пограничье

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

«Память — это пейзаж, созерцаемый из окна движущегося поезда. Мы видим, как над акациями разрастается утренняя заря, птицы поклевывают утро, словно фрукт. Дальше мы видим спокойную реку и обнимающую ее рощу. Видим неспешно пасущееся стадо, супружескую пару, которая бежит, взявшись за руки, мальчишек, танцующих футбол, блестящий на солнце мяч (еще одно солнце). Видим невозмутимые озера, где плавают утки, реки с медленными водами, в которых слоны утоляют жажду. Все это разворачивается у нас на глазах; мы знаем, что это происходит на самом деле, но только в отдалении, мы не можем этого коснуться. Некоторые события уже так далеко, а поезд мчится так быстро, что у нас нет уверенности в том, что все это и вправду было. Может, это нам приснилось. Меня уже подводит память, говорим мы, а это всего лишь потемнело небо» (Агуалуза, 2013, 197).

Ангольский писатель, заставший кардинальные и частые изменения вектора исторического развития своей родины, и, вероятно, поэтому часто обращающийся к проблематике памяти («Продавец прошлого», «Всеобщая теория забвения» и пр.), описывает память в цитируемом отрывке очень кинематографично. Метафора движущегося поезда, пустынные пейзажи, пасущиеся стада и прочие образы в совокупности порождают ощущение просмотра вестерна, киноповествования, встроенного в историю освоения «дикого Запада» (Murdoch, 2001; Nelson, 2015), историю американских фронтиров такими, как их представляли авторы фильмов спустя более ста лет после описываемых событий. Представление памяти как освоения, да еще и помещенное в фокус ограниченного взгляда кинокамеры или писательского нарратива, позволяет зрителю (читателю) участвовать в освоении памяти со стороны, ощущая память одновременно как свою и как чужую. Атмосферу вестерна с визуальным образом марева от высокой температуры усиливает и описание зыбкости и призрачности памяти, игры воображения в диалектике памятного и забытого: когда проходит время, не может быть полной уверенности, что вспоминаемое действительно было или это всего лишь дымка от действительно случившегося, действительно ли были эти объекты с их четкими очертаниями в опыте или это воображаемые объекты, индивидуальные или коллективные субъекты. Что делает их действительно значимыми (реальными, актуальными)? По всей видимости, на личностном уровне — это готовность

утвердить их, укоренить их в памяти, а на уровне общественном – наоборот, безволие, мешающее стряхнуть их, навязанных извне, именно они придают утерянными объектам границы, делают их реально существующими, т.е. определяющими поведение, мышление, подстраивающимися под себя повседневность субъекта, фиксирующимися в календарях, планнерах, дневниках, других документах, меняющими полностью траекторию личного развития, оставляющими видимые и ощущаемые следы в пространстве.

Специальный номер «Журнала Фронтирных Исследований» выстроен таким образом, чтобы передать читателю переживание освоения пространства в тактике фронта, когда призрачная территория постепенно выступает из дымки, проявляя свои очертания, приобретая границы, фиксируясь в пространстве, благодаря не только юридическим инструментам, но и субъективному опыту, оставляющему вполне конкретные метки на теле фронтирмена (раны, мазоли, болячки, язвы и пр). Логика построения статей позволяет проследить путь от воображаемого к осязаемому органами чувств, хотя, конечно, это деление очень условно, а оба этих полюса одинаково значимы, и в них обоих существует явное напряжение между актерами. Условная фикциональность воображаемого (сообщества (Anderson, 2006) или власти) не менее реальна, чем осязаемое насилие со стороны пограничника или полицейского или осязаемые столбы, ограничительные ленты, колючая проволока и другое. Один из инструментов их объединения в единую систему – память, которая в то же время выступает как машина забвения. «Ситуация мемориального фронта характеризуется наличием определенных образов прошлого, которые включаются в мемориальные конфигурации различных сообществ, но в разных структурных позициях», а «публичная репрезентация одного воспоминания автоматически способствует распределению всех остальных по нескольким мемориальным локациям» (Аникин, 2020, с. 18).

Вытеснение на периферию – это одна из функций памяти, поэтому именно там, на периферии, и стоит искать самое значимое для культуры, т.е. системы воображаемого-осязаемого. Теория зон культурного отчуждения и пограничья фокусирует свое внимание на перифериях культурной памяти, где и содержатся основные элементы, говорящие о культуре, о памяти и о значимом гораздо больше, чем те, что считаются памятным, актуальным (Begun et al., 2014; Троицкий, 2015; Nikolayeva & Troitskiy, 2018).

Память имеет дело с фактами и потому является одним из видов истории (истории в докантовском смысле, т.е. как совокупности фактов, лишенных историзма (Крупнин, 1998, с. 65)), и может быть описа-

на как инструмент просвещенческого исторического познания (Теплов, 1998; Козельский, 2009), однако, в отличие от объектной глобальной или локальной истории, этот способ существования можно обозначить как ментальный (по аналогии с ментальной картой)¹. Говоря о памяти как ментальной истории, мы имеем в виду то, что объектная история переходит на субъектный уровень, как глобальная история предстает для каждого конкретного человека. Практически в памяти не различаются, запоминание, хранение, сортировка, вытеснение, поскольку все эти процессы являются только функциями и выполняются одновременно, формируя содержание памяти. Как бы ни хотелось субъекту иметь твердую память, она все-таки всегда в движении, в процессе, постоянно перестраивает свое содержание, перекраивает границы объектов и событий, а попытка зафиксировать в какой-то момент ее состояние приводит к тому, что и познаваемый (т.е. подвергаемый манипуляциям со стороны памяти) изменчивый мир конструируется как застывший, в результате чего ощущения, не соответствующие такой «стабильной» картине мира, интерпретируются как ошибочные.

Теория зон культурного отчуждения и пограничья, которая является теоретической рамкой для данного специального номера, позволяет исследователю работать с культурной памятью через вытеснение и забвение. В соответствии с этой стратегией, вытеснение как механизм формирует и необходимые зоны «чужого», вокруг которого выстраиваются границы, стремящиеся к «затвердеванию» и уплотнению, однако, там, где имагологический аспект отсутствует, границы стремятся к деконструкции и снятию. В предлагаемом читателю номере исследовательский фокус постепенно от статьи к статье смещается от рассмотрения воображаемых сообществ в начале и условий их функционирования к затвердеванию воображаемого в пространстве в виде плотных границ и стабильных (нормативных) форм идентичности, этим границам сопутствующим.

Материалы номера сложились так, что следуя избранной логике повествования, тем не менее, их можно еще разделить на несколько условных групп, объединяющих статьи вокруг единого центра – объекта исследования. Такие группы для удобства чтения мы выделили как рубрики номера, внутри которых к тому же можно увидеть дополнительную систему организации – расстановку от теоретических

1 Не стоит путать с историей ментальностей, являющейся объектной дисциплиной в рамках своей прагматики, хотя и изучает частные установки и мировоззрения, в то время как ментальная история прагматически ориентирована на субъекта (как события оказываются значимы для него и как они меняют его среду и поведение). Иногда «история ментальностей» синонимизируется с «ментальной историей» (Селезнев, 2008).

исследований к практическим. Конечно, при построении номера не удалось избавиться от влияния фронтирной романистики, где читатель (зритель) оказывается вдруг в определенной нулевой точке пространства-времени (завязка), а все дальнейшее повествование является реализацией нарративного потенциала (совокупности функций), заложенного в этой нулевой точке, – реализацией, которая находит свое полное выражение в точке невозможности дальнейшего движения повествования (кульминация).

Читатель данного номера, наверняка, обнаружит, что нулевой точкой повествования служит исследование воображаемых сообществ в Средневековой Испании (статья «*Маргинальные и пограничные социальные группы средневековой Испании*» Елены Калининой). Исторический анализ правовых оснований существования маргинальных сообществ дополняет и развивает философский анализ причин формирования воображаемых сообществ в современных условиях. Универсальным для всего мира критическим моментом, задающим культурную стратификацию, стала пандемия COVID-19, разделившая всех людей на две группы, «ковид-диссиденты» и «ковид-алармисты» (статья «*Пандемия COVID-19 как экзистенциальное и культурное событие: группы, культурные границы и феномен настроения (на примере российского общества)*» Василия Воронова). Обе группы для построения идентификационных рубежей, отделяющих их друг от друга, использует память об (личном или чужом) опыте, связанном с коронавирусом, что позволяет соответствующим образом организовывать содержание памяти, актуализировать и «помнить» одно, игнорировать и «забывать» другое. Такие невидимые (воображаемые) границы, тем не менее, определенным образом фиксируются в поведении, взаимных ограничениях, конфигурации круга общения и т.п. Это сопровождается и ожиданием угрозы от противоположной группы, которая приобретает характер идеологического оправдания себя и неприятия Другого. Идеологические установки («скрепы»), ожидания, склеивающие воображаемые сообщества, задают и интерпретацию слов и действий оппонентов, а следовательно, и условия коммуникации с ними, что демонстрирует идущее следом исследование об эмоциях Другого в «популярной» этнографии (статья «*Между дремой и дикостью: этнография XIX века в поисках чувств*» Натальи Граматчиковой). Построенная как анализ конкретной книги одного путешественника и этнографа, статья вместе с тем далека от литературоведения. Автор статьи исследует, как паттерны «цивилизованного» путешественника программируют научные стратегии, задают интерпретацию и, несмотря на установку этнографа преодолеть границы между воображаемыми сообществами, наоборот, а возможно и

благодаря им, эти границы подчеркивает. Вчитываемые чувства характеризуют изучаемый этнос как отличный от европейской культуры, как другой. В статье уже достаточно явно очерчивается граница между сообществами, она стремится к затвердеванию, фиксации различий в пространственном отграничении. Культурная травма как диалектическое поле памятного-забытого рассматривается в последней статье рубрики (статья «*Конструируя (пост)память о травматическом прошлом: представления подростков об эпохе политических репрессий 1930-1950-х гг.*» Юлии Зевако). Исследование, построенное на практическом материале, показывает актуальность для современных подростков культурных границ «забытого», вытесненного из активного поля культуры опыта государственного террора эпохи политических репрессий 1930-1950-х. Границы между поколением тех, кто испытал, и поколением тех, кто помнит («забыл»), снимаются в процессе актуализации чужого опыта как личного, однако, практическая часть исследования выстроена так, что снимаются и другие воображаемые границы, казалось бы, непреодолимый рубеж между репрессируемым и репрессирующим. В результате включения в работу механизма эмоционального переживания обеих позиций, границы между ними становятся очевидно воображаемыми, а участвовавшие в эксперименте подростки ощущали сложность нравственного выбора при исполнении каждой из двух противоположных ролей, сложность принятия ответственности за свой выбор. Исследование показало возможность преодоления затвердевания нравственных оценок, моделей идентичности, превращения воображаемых рубежей в реальные (осязаемые) границы, за счет актуализации травматического опыта как личного переживания и за счет отказа от стабилизации культурных установок.

Три статьи, которые идут следом и объединены в одну рубрику, предлагают читателю сфокусировать свой взгляд на том, как идеи из первого раздела (рубрики) реализуются в городской культуре. Развитие сюжета здесь не повторяет предыдущие сюжетные линии, а их развивает. Статьи о городской черте (статья «*Черта идентичности: становление города*» Жанны Николаевой) и невидимых рубежах (статья «*The Invisible Boundaries In The City*» Никола Сидди) кажутся частями одного текста и посвящены одной проблематике – пространственному определению как установлению и преодолению воображаемых внутригородских пределов, которые могут быть утверждены в реальности в качестве конкретных барьеров, стен и т.п., но в цифровую эпоху, как это показали события пандемии, они не настолько эффективны, насколько эффективны воображаемые границы или цифровая сегрегация, отражающиеся в культурном зонировании городской среды на

примере Эстонии (статья «Новое культурное зонирование городской среды в Эстонии вследствие трансформации структуры постиндустриального общества» Владимира Вайнгорта). Прикладное исследование, проведенное автором, показывает, насколько реальные границы внутри Таллинна зависят от воображаемых и как это отражается в облике города.

В качестве большого эпилога (заключения) предлагается статья о попытках установить Порядок с помощью затвердевания границ и стабилизации идентичности (статья «В поисках тотального порядка: затвердевание границ и стабильная идентичность» Сергея Троицкого). Автор подводит своеобразный итог, проговаривая многие моменты, которые постепенно вырисовывались на протяжении специального номера, выступая как бы из дымки, проявляясь. Прямая связь между стабильной идентичностью и уплотнением (затверждением или появлением) государственных границ подробно проговаривается, подчеркивается важность функционального подхода к ним обоим для экономического и политического роста. В царстве затвердевших норм и границ нет места изменениям, порядок не терпит движения. В этих условиях цементируются не только внешние, государственные, но и внутрикультурные границы (рубежи). И напоследок автор провоцирует читателя на размышления, может ли быть какая-нибудь альтернатива тому. Может, фронтир?

Список литературы

- Anderson, B. (2006). *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. London, New York: Verso.
- Begun, B., Voloshuk, E., Chertenko, A., & Troitskiy, S. (2014). Strategies of studying zones of cultural exclusion. In *Modern studies of Russian society* (pp. 79–94). Helsinki: Uni-grafia.
- Murdoch, D. H. (2001). *The American West: The invention of a myth*. Reno: University of Nevada Press.
- Nelson, A. P. (2015). *Still in the saddle: The Hollywood western, 1969-1980*. Norman: University of Oklahoma Press.
- Nikolaeva, Zh., & Troitskiy, S. (2018). An Introduction to Russian and International Studies of Cultural Exclusion Zones. An Analytical Overview of Recent Concepts. *Rivista Di Estetica*, (67), 3–19. doi: 10.4000/estetica.2482
- Troitskiy, S. (2018). The problem of terminological precision in studies on cultural exclusion zones. *Rivista Di Estetica*, (67), 165–180. doi: 10.4000/estetica.2772
- Агулуза, Ж. (2013). Продавец прошлого. *Иностранная литература*, (2), 140–218.

- Аникин, Д. А. (2020). Проблематика фронта в исследованиях культурной памяти. *Журнал Фронтальных Исследований*, 5(2), 12–25. doi: 10.46539/jfs.v5i2.201
- Козельский, Я. П. (2009). *Философические предложения, сочиненные надворным советником*. Москва: Издательство ЛКИ.
- Крупнин, Г. Н. (1998). Философия Хр. Вольфа в контексте теоретической проблематики Нового времени. *Философский век. Альманах*, 3, 47–72.
- Селезнев, Р. С. (2008). Ментальная история Средневековья в исследованиях первых русских медиевистов второй половины XIX в.: Истоки и зарождение проблематики. В *Россия и мир: Панорама исторического развития: Сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького* (с. 48–56). Екатеринбург: НИИП «Волот».
- Теплов, Г. Н. (1998). Знания, касающиеся вообще до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут. *Философский век. Альманах*, (3), 207–289.

References

- Agualusa, J. (2013). The Seller of the Past. *Foreign Literature*, (2), 140–218. (In Russian).
- Anderson, B. (2006). *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. London, New York: Verso.
- Anikin, D. A. (2020). Frontier Issues in Cultural Memory Research. *Journal of Frontier Studies*, 5(2), 12–25. doi: 10.46539/jfs.v5i2.201 (In Russian).
- Begun, B., Voloshuk, E., Chertenko, A., & Troitskiy, S. (2014). Strategies of studying zones of cultural exclusion. In *Modern studies of Russian society* (pp. 79–94). Helsinki: Uni-grafia.
- Kozelsky, J. P. (2009). *Philosophical propositions composed by the court counsellor*. Moscow: LKI Publishing House. (In Russian).
- Krupnin, G. N. (1998). Chr. Wolff's philosophy in the context of theoretical problems of the Modern age. *The Philosophical Age. Almanac*, 3, 47–72. (In Russian).
- Murdoch, D. H. (2001). *The American West: The invention of a myth*. Reno: University of Nevada Press.
- Nelson, A. P. (2015). *Still in the saddle: The Hollywood western, 1969-1980*. Norman: University of Oklahoma Press.
- Nikolaeva, Zh., & Troitskiy, S. (2018). An Introduction to Russian and International Studies of Cultural Exclusion Zones. An Analytical Overview of Recent Concepts. *Rivista Di Estetica*, (67), 3–19. doi: 10.4000/estetica.2482
- Seleznov, R. S. (2008). Mental History of Middle Ages in the Researches by the First Russian Medievalists of the second half of the 19th century. In *Russia and the world: a panorama of historical development : collection of scientific articles dedicated to the*

70th anniversary of the historical faculty of the Ural State University named after A.M. Gorky (pp. 48–56). Yekaterinburg: NPMP "Volot". (In Russian).

Teplov, G. N. (1998). Knowledge concerning philosophy in general, for the use of those, who cannot read foreign books on this matter. *The Philosophical Age. Almanac*, (3), 207–289. (In Russian).

Troitskiy, S. (2018). The problem of terminological precision in studies on cultural exclusion zones. *Rivista Di Estetica*, (67), 165–180. doi: 10.4000/estetica.2772